

Лавровский Леонид
(к 100-летию со дня рож.
хореографа)

13.07.05.

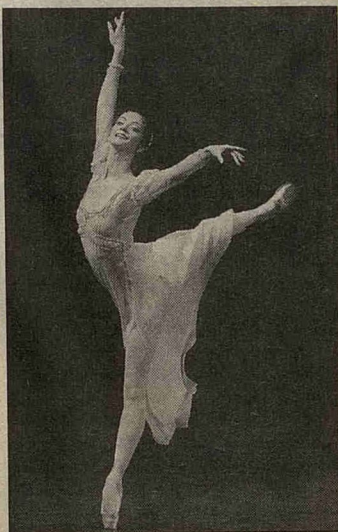
Культура.-2005.-
7-13 июля.-с.10

Лавры для Лавровского

Вечер в честь 100-летия хореографа

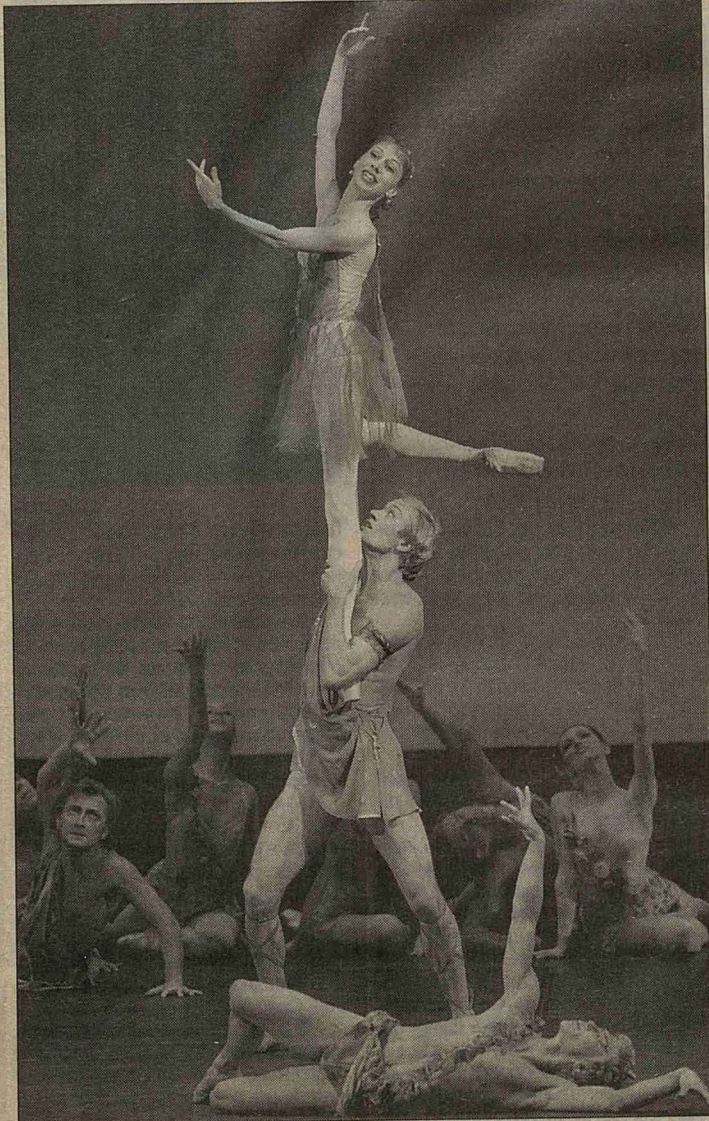
В Большом театре состоялся концерт, посвященный столетию со дня рождения Леонида Лавровского — хореографа, с чьим именем связана целая эпоха в балетном искусстве. Вечер, поименованный как «Лавровский-гала», хотя его течение и было весьма размеренным, публика встретила восторженно. В определенном смысле происшедшее стоит назвать театральной сенсацией, ибо у авторов вечера получилось доказать, что «драмбалет» (а имя Лавровского ассоциируется с его рассветом, зенитом славы и закатом) зря трактуется как направление, ставшее заложником прямолинейной театральной действительности с ее обстоятельной подробностью, направление, которое принесло в жертву созерцательную чистоту танца. В ясной хореографии Лавровского — и время подтвердило это — оказалось немало наивной лирики, виртуозной ловкости и увлекательной свежести.

Леонид Лавровский, выпускник ленинградской балетной школы, поставил свой первый хореографический опус в 1927 году — танец на музыку «Грустного вальса» Сибелиуса. Лавровский вошел в яркую плеяду хореографов — сам он, Вайнонен, Захаров, Балаanchivadze, Гусев, Чабукяни, Якобсон были почти ровесниками. Все подвергли сомнению признанные авторитеты, и многие из них, пожертвовав исполнительской карьерой, начали ставить очень рано. Леонид Лавровский не был яростным полемистом и бунтарем, его наследие (частично представленное на вечере) складывается в автобиографию, «читая» которую раскрываешь личность художника тонкого, искреннего и многогранного. Он видел мир широко и был человеком высокой культуры, культуры общения в том числе. Не потому ли годы, когда Леонид Михайлович руководил Большим театром, сложились в два самых спокойных десятилетия в непростой истории театра. А до Большого были постановки в родном Ленинграде: с воспитанниками вагановской школы, артистами Малого оперного, и, главное, уже был поставлен балет «Ромео и Джульетта».

С.Лункина — Джульетта

та» на сцене Кировского театра, труппу которого Леонид Михайлович возглавлял в довоенные годы. Собственно, этого прокофьевского шедевра с грандиозными хореографическими метафорами (мерная ритуальность Средневековья, карнавальный дух Возрождения, соединение сонетной ясности чувств и масштабности шекспировских хроник) было вполне достаточно, чтобы войти в историю. Полетный бег Джульетты — галаны Улановой через пространство, в котором поселилось горе, лукавый танец-улыбка Меркудио — Сергея Кореня, воспринимавшего жизнь как нечаянную радость, — все это можно увидеть в одноименном фильме-балете, снятом самим Лавровским и названным режиссером Франко Дзеффирелли образцовым. В создании балетных киноверсий хореограф оказался первопроходцем, как и во многом другом. Например, поставил балет «Ночной город» — о судьбе одинокой девушки — на музыку Б.Бартока «Чудесный мандарин». Спектакль принято относить к неудачам, но в нем было явлено то, что после стали называть «современной темой» в балете. А напротив, в весьма успешном балете «Паганини»,

«Вальпургиева ночь»

прозрачном и трагическом одновременно, на музыку Сергея Рахманинова хореограф открыл тему «Поэт и Муза», растиражированную его эпитафиями.

Отношение Лавровского к классическому наследию, формы и каноны которого он не разрушал, но прилежно подгонял к дню сегодняшнему, превращая раритетные ископаемые в

живые спектакли (самый яркий тому пример — балет «Жизель»), определило судьбу традиций, ибо реставраторы хореографии получили пример точного интонирования образцов. С именем Лавровского связан и первый международный триумф российского балета в Лондоне в 1956 году. Знавший славу и признание, Лавровский никогда не упивался собственными рефлексиями, всю жизнь, изо дня в день, делал дело и как заклинание произносил слова: «Театру это надо!» Наследию хореографа нет места в нынешнем репертуаре, и неизвестно, состоялся бы юбилейный вечер, если бы не энергия его сына — Михаила Лавровского, балетмейстера-репетитора Большого театра, а теперь и худрука Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Это он организовал коллег на художественный прорыв. Были возобновлены фрагменты из балетов Леонида Лавровского: значительная часть первого акта «Ромео и Джульетты», танцевальная сцена «Вальпургиева ночь» из «Фауста» Гюно и адажио из балета «Паганини». К работе подключилась и балетная школа — Марина Леонова и Николай Цискаридзе вспомнили первую часть «Классической симфонии» Сергея Прокофьева — одного из многочисленных произведений, которые поставил Лавровский для воспитанников столичного училища.

Танцевали старшеклассники, солировали выпускница Московской академии хореографии Анна Тихомирова и Владислав Лантратов, сумевший к старательности школьного кордебалета и каллиграфической точности партнерши добавить редкую вдумчивость и понимание стиля. Свою версию прочтения лирического дуэта из «Паганини» представили Елена Андриенко и Юрий Клевцов, к сожалению, не поднявшись до исповедального уровня спектакля, поставленного художником о самом себе и о своих творческих муках.

В большом фрагменте «Ромео и Джульетты» возникла игра двумя реальностями — на сцене жили отголоски того памятного и запечатленного на пленке спектакля и его сегодняш-

нее восприятие. Возникли тревожная разьединенность и даже невозможность единения между той масштабной ансамблевостью и торжеством актерского братства и нынешним вялым повторением этих ансамблей со знакомым до оскомины желанием сделать (станцевать) свое, не задумываясь об «общем» и «едином». Два типа театра, два способа жизни. Пышные одежды и режиссерский каркас спасли «Ромео и Джульетту» от пережитого стыда на торжестве «Бенуа де ля данс» за «Танцы Красной армии» из балета «Болт» и беспресветного отчаяния и вдруг всплывшей вековой рутины «Теней» в последней «Баядерке» ГАБТа на открытии X балетного конкурса.

Примирила театральные пространства Джульетта Светлана Лункина — танцовщица, владеющей пронзительностью «первого прикосновения». Наблюдать за ее живым и тонким взаимодействием с достойным ее таланта партнером Сергеем Филиным — Ромео — удовольствие из ряда подзабытых впечатлений. Для остальных исполнителей стиль оказался нештучной и нерешаемой проблемой.

И «Ромео и Джульетта» и «Вальпургиева ночь» прозвучали невнятно, словно замыслил художник мир для великанов, а распорядиться им решились лилипуты. Приверженец классики, Лавровский придумал в «Вальпургиевой ночи» столь сложные акробатические движения, что повторить их с ловкостью, задором и азартом не удалось никому из артистов, прокувыркавших виртуозные построения и радующихся, что не упали и все-таки дерзкую хореографию выполнили. Летал и, провоцируя, звал в полет партнеров, а не отбивал танцевальную повинность только неутомимый Морихиро Ивата. Вечер дополнили одноактный балет Михаила Лавровского «Нижинский» на музыку симфонической поэмы Рахманинова, а также уникальные кадры кинохроники, получившие бурные аплодисменты зала.

Елена ФЕДОРЕНКО
Фото Дамира ЮСУПОВА